

Он облажался. Одно дело — погибнуть по собственной глупости, но он еще и впутал Ариану в эту историю. Если бы его не было в библиотеке, если бы он прогнал ее или просто взял книгу и вернулся в свою комнату, Ариана никогда бы там не оказалась в этой ситуации и даже не зашла бы в библиотеку. Из всех возможных вариантов он каким-то образом идеально все испортил, чтобы они оба попали в эту смертельную ловушку.

Если бы он вовремя принял Просветление, все могло бы быть совсем по-другому. Может быть, он заметил бы все до того, как это произошло, подсмотрел бы законы и принял бы более правильные решения. Или, что еще лучше, он мог бы полностью игнорировать лишения, будучи субъективным наблюдателем.

Так много вещей он мог бы сделать по-другому, но он все еще не мог найти последовательную логику, которая привела бы его к принятию любого из этих решений. Не только задним числом, но даже в долгосрочной перспективе принятые им решения были вполне рациональными и обоснованными.

Если бы ему пришлось выбирать что-то, что могло бы привести к лучшему результату, не нарушая при этом его фундаментальных личностных качеств, то это было бы недооценка послания в записке.

В записке явно указывалось на ограниченное время, но он воспринял это как угрозу лично себе со стороны преследователей, что подрывает имеющуюся косвенную информацию.

Таким образом, главная ошибка заключалась в том, что он не оценил серьезность и контекст ситуации. В общем-то, это было довольно глупо с их стороны. Зачем было делиться с ним такой сокрушительной тайной, как субъективность, если это не было сочтено необходимым? “Просчеты, которые я, наверное, не смогу исправить. Никогда”.

Простой расчет, учитывающий расположение источников огня и все сухое горючее в библиотеке, дал ему отчаянные цифры. Огонь охватит каждый уголок библиотеки менее чем за пятнадцать минут.

Сенсорная депривация продолжалась уже несколько минут, так что в лучшем случае минут семь-восемь, прежде чем огонь доберется до них обоих ближе к центру библиотеки. Это было безнадежно.

В этой чернеющей тишине что-то изменилось - появилось тревожное присутствие. Ощущение пробрало его до дрожи, и он почувствовал, что больше не одинок в своих мыслях. Тревожный страх, усиленный тишиной и темнотой, превратился в какофонию ужаса.

Казалось, что вокруг него беззвучно копошатся неведомые бесформенные сущности. Все инстинкты кричали ему, что надо бежать, но он был парализован, привязан к этой окаменевшей реальности необъяснимой сенсорной депривацией и не знал, как отстраниться от этого ползучего ужаса.

И вдруг все это нахлынуло на него.

В ноздри ворвался неопознаваемый запах, насыщенный и дурманящий, резкий, как гниющая растительность, и еще более зловещий. Запах был навязчивым, он заполнял легкие с каждым трепетным вдохом, резко контрастируя со стерильной пустотой, в которой он оказался.

Тишину, которая еще секунду назад угнетала его, разорвал целый оркестр тревожных звуков. Отовсюду доносился тихий скрипучий звук — симфония маленьких, невидимых ножек по

твердой поверхности. Изредка эти звуки дополнялись низким гортанным рычанием, от которого, казалось, вибрировали все кости, — звук был настолько первобытным и страшным, что казался вынырнувшим из глубин кошмара.

Кожа, которая еще совсем недавно была нечувствительной, теперь стала сверхчувствительной. Воздух, казалось, пульсировал, вибрируя от хищной и голодной энергии. Невидимые тела наталкивались на него, их формы были неясны и необъяснимы. Не имея возможности двигаться, эти чувства только усугубляли ситуацию.

Рядом с ними раздавался слабый шепот, неразличимые и чужие слова, произносимые голосом, который словно скользил в ушах. Шепот нарастал и стихал в почти гипнотическом ритме, каждый слог леденил рассудок.

Он не был склонен верить в сверхъестественное, но это выходило за рамки.

Что-то медленно вторгалось в его мысли, и от малейшего движения воздуха по нему пробегала волна паники. Эти какофонические ощущения, такие чужие и в то же время такие ужасающе реальные, держали его в заложниках. Каждый жуткий звук, усиленный страхом, превращал окружающий мир в звуковой ландшафт ужаса.

И на фоне этого сенсорного натиска он отчетливо осознавал, что, открыв глаза, он увидит реальность, гораздо более страшную, чем та, которую рисовали ему другие органы чувств.

Страх сделал его пленником собственного тела, неспособным действовать, неспособным сбежать и слишком напуганным, чтобы осмелиться взглянуть на невидимый ужас, скрывающийся за веками.

Мысль о том, что произойдет, если он позволит своему зрению присоединиться к этому жуткому зрелищу, вызывала непостижимый ужас.

“Это не может продолжаться”. Он даже не стал открывать глаза — только крики и шепот донимали его. Стоило только попытаться расслабиться, как мысли путались, ускользали в бессвязном шуме.

В этих чужих мыслях чувствовалась какая-то сводящая с ума навязчивость. Они внушали ему такие идеи, о которых он обычно даже не задумывался.

В один момент они вызвали в нем потребность покачаться из стороны в сторону. В другой — вскрикнуть, а в третий — сжать рукой живот. Но все это было неправильно. Импульсы, которые внушали ему эти мысли, не были предназначены для человеческого тела. У него просто не было органов, необходимых для воплощения этих странных представлений. Впрочем, он и не собирался этого делать.

“Это не может продолжаться! Мне нужно сосредоточиться. Всех ученых объединяла способность изолировать свои мысли”.

Верн именно так и поступил: вывел в памяти диаграмму, пытаясь отключиться от окружающего мира. Обычное размышление над основами не дало бы ему в этой ситуации никакого ценного понимания. А вот диаграмма могла.

Обычно это было просто, но его мысли постоянно возвращались к тому, что привело к этой ситуации. Почему он здесь оказался? Что это было за место? Его врожденное любопытство приводило к еще большему количеству вопросов, которые он не решался задать. Это

противоречило всем его представлениям о реальности. Поэтому ему пришлось сосредоточиться.

“Диаграмма. Линии. Запах гниения. Кривые. Кривые. Кривые. Слова. То, что я должен увидеть. Изгибы. Слова. Слова”.

Диаграмма была вещью огромной сложности. Одно дело — смотреть на нее и постигать ее нюансы, другое — воспроизводить изменения и распространять дальше ее хитросплетения.

Базовая концепция казалась ему простой. Субъективное наблюдение позволяло сначала осознать возможности окружающей действительности, а затем рассмотреть их в определенном свете. Диаграмма помогала именно в этом.

Однако ментальная модель давала ему лишь дополнительное представление о природе самой диаграммы. Он не мог смоделировать обратную связь, которую генерировала диаграмма на основе его мыслей. Он упускал важнейший аспект.

Несмотря на это, он продолжал напоминать себе обо всех изменениях, которые она несет. Он уже знал, что диаграмма может способствовать просветлению в силу своей изначально субъективной природы. Но что это говорит о самом процессе просветления? Не означает ли это, что человек, привыкший жить в фальшивой объективной реальности, должен осознать ее притворство?

Тогда, если продолжить эту логику, другим способом просветления было бы наблюдение за чем-то изначально объективным. Но что именно подразумевает объективность, когда все субъективно? Существует ли вообще нечто изначально объективное? Бытие вне...

Эта мысль разрушила его сосредоточенность, и сущность за веками заняла его мысли. Тишина, которую он взращивал, закончилась, как мир, затаивший дыхание перед бурей.

Как раз в тот момент, когда разум начал обманывать его ложным чувством облегчения, тишину пронзил леденящий душу высокочастотный крик, который, отражаясь от невидимых стен, эхом проникал в сознание, жестоко напоминая об ужасающей реальности.

Сердцебиение остановилось в страшном ожидании расправы, а воображение нарисовало сцены, которые грозили поглотить его слабеющую психическую защиту. Но ничего не происходило, кроме постоянно возникающих паразитических мыслей, которые еще больше затуманивали его сознание. Шли секунды, и он постепенно успокаивался.

Это было возможно. Сущности, похоже, не было дела до него, что вполне логично. Он не был целью, скорее всего, он был не более чем сопутствующим ущербом в грандиозной схеме этой сущности.

Если бы он только смог удержать в узде постоянно проникающие в него мысли, вызывающие безумие. У него был шанс.

Шанс на просветление.

План сформировался в его голове в мгновение ока. Он был уверен, что реальная опасность ситуации исходит от проникновения в его психику. По его мнению, все, что его окружает, включая звуки и ощущения, на самом деле создано этими мыслями. Если бы ему удалось сдержать их, процесс упростился бы.

Итак, он вернулся к диаграмме. Линии. Кривые. Кривые. Кривые. Слова. Его мысли сами собой логически последовательно переходили от одной к другой.

Сердце забилось в предвкушении и страхе, но модель схемы не дрогнула, пока мысли продолжали свой каскад. Когда он почувствовал себя достаточно отрешенным от всего, что его окружало, он был готов.

Было ли это глупо? Он не знал. Что-то должно было измениться, чтобы выжить в огне, если предположить, что этот ужасный пейзаж не был новой реальностью. Это была необходимая авантюра, чтобы вызвать такое изменение. Найти объективность в этом безумии. Набравшись храбрости, порожденной отчаянием, он сделал это.

Он открыл глаза.

На долю секунды зрение прояснилось, и все вокруг заволочло туманом. В небе вокруг него появились сотни усиков, едва различимых из-за красного блеска, отражающегося от их извивающейся массы и неестественных изгибов. В тумане притаились пятна тьмы, бешено колышущиеся. И тут в этом дезориентирующем зрелище возникла картина.

За хаотическими всполохами тьмы показалась тень. Нет, это была не просто тень. Это была форма. Форма, которая возвышалась даже над извивающимися в небе придатками. Нет, это тоже было неверно. Три очертания, выходящие из огромной штуковины, на самом деле держали эти придатки, их сверкающий силуэт был багрово-красным. Это было еще не все. У огромной громадины были...

В его глазах вспыхнула резкая и жгучая боль. Как будто на них было оказано невыносимое давление, сила, которую они не могли выдержать. Зрение, и без того находившееся на грани забвения, разлетелось на тысячи фрагментов, каждый из которых содержал намек на сущность за гранью, и каждый был ужаснее предыдущего.

Справиться с увиденным не было никакой возможности, но подсознание сделало ему доброе дело. Оно убило себя прежде, чем успело переварить все увиденное. Сущность была объективна. В самом деле, не может быть более одного определения такой вещи.

Бесформенные существа прекратили свое движение. Исчезли звуки и запахи, исчезли тошнотворные пронизывающие мысли. Однако в его памяти осталось нечто гораздо более странное, и боль захлестнула его. Боль становилась все сильнее и сильнее по мере того, как ужасающий пейзаж исчезал из поля зрения.

В то же время раздраженное чувство, что он стоит на краю пропасти, исчезло, переплавившись в ощущение чистого блаженства, наполнившего его сознание тысячами идей. В этом смешении противоречивых чувств идеи сходились, их мысленный образ стремился друг к другу.

Мысли сливались, увеличиваясь в размерах и превращаясь в единое целое, в соединение, сжавшееся в точку.

Точка, плавающая в море тьмы, излучающая голубой оттенок, колеблющийся, как умирающий уголек. Вокруг нее кружились крошечные огоньки. Ее тонкое свечение, успокаивающая аура и само существование притягивали его.

Верн несколько мгновений смотрел на светящийся маяк пустым взглядом, пока его глаза не восстановили фокусировку. И вот мерцающие частицы вокруг точки потускнели, и показалась

сфера, похожая на кварц. Из воздуха возникли нити света и начали вытравливать себя на сфере.

Блестящие нити сплели и сшили шар своим неземным светом, и на его поверхности появился сияющий узор. В нем был определенный порядок, но в то же время и хаос.

Когда очередная нить света в десятый раз попадала на свое место, узор дрожал и распадался на тонкие струйки света, распространявшиеся по границам стеклянной конструкции. Свет поплыл по стеклу, как какая-то вязкая жидкость, на этот раз оседая без видимой закономерности.

Не успел он осмотреть объект, как нити света дематериализовались с пульсирующими волнами голубого цвета. Рассеявшаяся тьма затребовала свои владения. Из самого центра сферы, расколовшейся на две ровные части, в угасающем блеске пульсаций проступила трещина. Их отблески тускло блеснули... и они исчезли.

“АГХХХХ!!!”

Сознание Верна содрогнулось от жгучего ощущения, пронизывающего все его существо. В глазах словно прожгли дыру, боль проникала за барьер его отрешенных чувств. Не имея сил на то, чтобы вызвать в голове посторонние мысли, он чувствовал все, что происходит в его глазах. Настолько, что знал, когда испаряется склера или когда роговица полыхает и что-то налипает поверх обожженных радужек.

Не имея никакого практического способа облегчить свою агонию, он едва держался за сознание. Каждую секунду ему казалось, что раскаленный знак клеймит его глаза и само его существо, изменяя что-то внутри него.

Мучения постепенно ослабли, когда на него волнами накатило чувство глубокого изнеможения. Вяло борясь с бредовой усталостью и желанием выжить, Верн, вопреки первобытным инстинктам, заставил себя открыть глаза.

Произошел своеобразный переход, и темноты уже не было. Вокруг него полыхало пурпурное и лиловое пламя.

<http://tl.rulate.ru/book/95470/3256903>